

Дан анализ комплекса уголовно-правовых проблем формирования института преступлений экстремистской направленности, затронуты вопросы о роли и месте совокупности преступлений экстремистской направленности в структуре преступности, об отсутствии единого объекта преступного посягательства, возможности совершения, в принципе, любого преступления по мотивам ненависти или вражды, отсутствии юридического определения «социальной группы» и другие аспекты, неразрывно связанные с квалификацией рассматриваемых преступлений. Отмечено, что законодательный акт становится инструментом манипулирования общественным мнением вследствие выбора при формировании института преступлений экстремистской направленности криминологически необоснованных приоритетов, политизированных оценок, что также формирует информационные предпосылки для последующего принятия необоснованных и неэффективных решений в сфере обеспечения безопасности граждан, общества и государства. Предложены пути развития рассматриваемого института.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности; экстремизм; экстремистская деятельность; мотив ненависти и вражды; пропаганда; призывы.

Александр Владимирович Ростокинский, д-р юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия;
RostokinskiiAV@mgru.ru

Сергей Владимирович Данелян, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия;
DanelyanSV@mgru.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Введение

Проблема изучения преступлений экстремистской направленности сохраняет свою остроту на протяжении всего времени существования данного института в отечественном уголовном праве в силу ряда обстоятельств. С одной стороны, проблема существенно *политизирована* ввиду использования уголовного права (не только экстремизма и связанных с ним институтов) против представителей политической оппозиции. С другой стороны, в нашей стране отмечается *обвальное* *рост* *регистрации* преступлений экстремистской направленности. И на данный рост не влияют глубокие социально-экономические изменения двух последних десятилетий.

Так, за 2004 – 2014 гг. число рассматриваемых преступлений увеличилось почти в 100 раз, сообщил заместитель начальника ГУ МВД РФ по противодействию экстремизму (ГУПЭ) В. Макаров на семинаре по вопросам противодействия экстремизму при Совете Федерации: «В 2004 году было зарегистрировано всего 130 преступлений экстремистской направленности. В 2014 году – свыше 1000». По его словам, 53 % преступлений были связаны с использованием Интернета [9]. Статистические данные [5] свидетельствуют, что в 2021 г. было зарегистрировано также свыше 1000 преступлений экстремистской направленности, а несколько лет ранее (2018 г.) число таких преступлений перевалило за 1500.

Кроме того, обстоятельства формирования института преступлений экстремистской направленности в нашем уголовном законодательстве как бы «на стыке» норм о преступлениях против политической системы, общественной безопасности и организованной преступной деятельности, особенности закрепления родовых и видовых признаков «экстремизма» очевидно указывают на наличие *комплекса собственно уголовно-правовых проблем*. Их анализу посвящена настоящая статья.

Результаты

Анализ общих и частных проблем уголовно-правовой конструкции экстремизма и экстремистских правонарушений позволил сформулировать вывод о неразрывной связи правовых (законотворческих) проблем как с формальным определением приоритетов уголовно-правовой охраны общественной безопасности государством, так и особенностями применения соответствующих норм правоохранительными органами и судами, восприятием этой практики теми силами, которые способны влиять на деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, и выделить два основных пути развития института преступлений экстремистской направленности.

Обсуждение

Общие проблемы уголовно-правовой конструкции экстремизма – назовем так рассматриваемый институт для краткости, но в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон №114) – «экстремистская деятельность (экстремизм)» – это необходимость рационально *сгруппировать вокруг базовых признаков состава преступления* (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона), известных также и зарубежному праву, как «состав деяния».

Анализ признаков экстремистских деяний, перечисленных в указанном федеральном законе, позволяет утверждать *отсутствие единого объекта преступного посягательства*, возможность совершения, в принципе, любого преступления по мотивам ненависти или вражды, указанным в п. «е» ст. 63 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Более того, недоумение вызывает включение «базовых» составов преступлений экстремистской направленности (публичных призывов, агитации и пропаганды, создания экстремистских организаций, соответствующей организацион-

ной и обеспечивающей деятельности – ст. 280, 282, с примечаниями УК РФ) в перечень преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Отдельные формы такой деятельности, например, использование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, вообще дополнили раздел преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 354 УК РФ).

Одновременно законодатель признает *проявлениями экстремизма ВСЮ террористическую деятельность*, наряду с ее публичным оправданием, которая криминализируется (гл. 24 УК РФ) как преступление, направленное против общественной (общей) безопасности. Такими же посягательствами являются и все проявления организованной преступной деятельности от бандитизма до организации преступного сообщества и руководства им, а также такие «популярные» формы совершения посягательств против расового, религиозного и иного равноправия граждан, как хулиганство и вандализм (ст.ст. 213 и 214 УК РФ), но почему-то «выносит» проявления дискриминации, нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина в раздел преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ) – случаи применения которой из года в год единичны.

Получается, что уже в момент демонстрации «нацистской» символики лицами, желающими объединиться для нарушения прав и свобод других групп населения, нарушаются мир и безопасность человечества; потом – при создании группы и публичных призывах присоединиться к ней (объединиться с ее участниками) для совершения преступлений – государственная безопасность и конституционный строй; и лишь затем – общественный порядок с общественной нравственностью (при вандализме), безопасность, здоровье и жизнь частных лиц – в случае нападения (при хулиганстве). Здесь приходится признать полное отсутствие логики при явном ужесточении ответственности за нарушения, менее опасные как для отдельных лиц, так и общества в целом, либо безопасности каких-то определенных групп населения, частей, общин.

Так, почти две трети приговоров суды вынесли в 2020 году по ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) по 66 делам в отношении 75 осужденных. При этом в 52 делах это была единственная статья. На втором месте – обвинение в публичных призывах к терроризму (ст. 205.2 УК РФ). По ней вынесли 35 приговоров за год; 10 приговоров в отношении 15 осужденных вынесли за возбуждение ненависти, вражды либо унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). В 87 случаях (из 111) речь идет о высказываниях в Интернете; 28 приговоров касались текстов, 27 – реплик или комментариев, 16 – видеороликов, 11 – изображений [3].

Отсюда, возникает закономерный вопрос о роли и месте совокупности исследуемых преступлений в структуре преступности. Отбросив идеологию, политические пристрастия и образ мышления инсургентов, с учетом *внешних, объективных проявлений* легко обнаружить деяния двух типов (форм):

1) *неправомерное ограничение прав граждан лишь по основаниям наличия каких-то групповых признаков потерпевших*, то есть без личного конфликта между потерпевшим и виновным (hate crime – преступления ненависти) – известные общеуголовные преступления: от дискриминации при приеме на работу и вымогательства до нападений, убийств, массовых беспорядков и геноцида. Ненависть и вражда могут возникнуть в любой сфере общественной жизни, где имеют место социально-экономические, политические, религиозные, экологические и иные конфликты с участием различных социальных групп;

2) *публичное подстрекательство неопределенного круга лиц к совершению данных деяний*, обоснование их рациональности, целесообразности, полезности для большей части общества, безвредности для мира и общей безопасности, необходимости ввиду каких-то особых условий (hate speech – речи, выступления ненависти). Они описывались еще С. Н. Таганцевым, как *delictum sui generis* (деликты опасности) по своим внешним последствиям. По содержанию мы имеем специфическое «информационное паразитирование» на указанных конфликтах, включая сугубо криминальные.

Остальные проявления экстремистской деятельности, казуально закрепленные в Федеральном законе № 114: незаконное вмешательство в деятельность органов публичной власти, попытки насильственного изменения конституционного строя, терроризм, создание объединений в целях совершения преступлений, продолжение деятельности организации, запрещенной вступившим в законную силу решением суда и т.п. – давно известны уголовному праву. И нет никакой нужды связывать их уголовно-правовой запрет с какими-то особыми побуждениями виновного в виде провокации и обострения межобщинных конфликтов или дестабилизации конституционного строя целого государства.

Кроме того, мы не можем утверждать, является ли «экстремистская направленность» целью деятельности виновного или объективным, поддающимся измерению, результатом. Обоснованно квалифицировать некоторые эмпирически наблюдаемые действия (публиковал информацию об обидах «местного» населения «неместными» или наоборот, выложил в Интернете видеofilm о терактах или митингах, спел песню...) как «публичное оправдание», «возбуждение», «разжигание» или «организация действий» – далеко не простая задача. Нужно доказать, что именно к этому стремился субъект или, как минимум, «был обязан предвидеть последствия своих действий». Возник ли результат – в виде общественного возмущения, обострения конфликта, совершения новых преступлений иными лицами – закономерно и вследствие усилий виновного, или же он сформировался под влиянием каких-то случайных обстоятельств, например, информационной кампании в СМИ, социальных сетях и т.п.

Как доказать, что некоторый текст, видеоклип, спетая песня будет оправдывать терроризм, возбуждать вражду и ненависть, оскорблять представителей целой общины или этноса – а подозреваемый это понимал? Для этого нередко нужно проводить достаточно сложные социопсихологические, культурологические, лингвистические экспертизы. Нередко, как в случае Pussy Riot, выводы исследований вызывают удивление, да и к самим диссертациям у экспертов возникают вопросы. С другой стороны,

появляется возможность произвольно квалифицировать действия виновных по внешним признакам, манипулируя криминальной статистикой как угодно.

В августе 2017 года двое молодых чеченцев с ножами напали на пост ДПС в подмосковной Балашихе: двое полицейских были ранены, один из них впоследствии скончался в больнице. Оба преступника были ликвидированы. Накануне нападения они записали видеообращение с присягой террористической организации ИГИЛ (организация и ее деятельность запрещены на территории РФ) [4]. Однако содеянное было квалифицировано как посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ).

Еще одной общей проблемой квалификации преступлений экстремистской направленности является *отсутствие четких критериев определения вреда, причиняемого действиями виновных, да и юридических признаков самой потерпевшей стороны* (социальных групп, групп населения). Очевидно, что разовая публикация или репост в аккаунте с минимальным количеством посетителей и подписчиков никакой угрозы межобщинному миру, а тем более, конституционному строю России, не представляет, на что и указывают недавние изменения в тексте ст. 282 УК РФ. При этом соответствующие деяния были признаны подлежащими административной ответственности именно как правонарушения против общественного порядка.

Выступая 17 марта 2020 года на коллегии Генпрокуратуры России, глава ведомства Игорь Краснов сообщил, что в результате частичной декриминализации ч. 1 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти) вдвое (с 1265 до 585) снизилось количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. При этом по ст. 20.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях было возбуждено 427 дел, наказано почти 400 человек. Генеральный прокурор сообщил также, что по требованиям прокуроров в 2019 г. заблокировано свыше 81 тысячи сайтов «с информацией, содержащей террористические и экстремистские угрозы, включая призывы к... беспорядкам и насилию», с 45 тысяч сайтов противоправная информация была удалена [7].

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: не были ли в России за предшествующие годы осуждены сотни (если не тысячи?) граждан за малозначительные (непреступные – см. ст. 14 УК РФ) деяния, лишь по формальным признакам публичного выражения данными лицами *ненависти или вражды к кому-либо*, высказанных обид, угроз, распространения ложных сведений, использования оскорбительных прозвищ и т.п.? И вовсе не случайно потерпевшая сторона определяется нами как «кто-либо», поскольку формулировка примечания к ст. 282 УК РФ допускает признание в таком качестве представителей любой группы населения (социальной группы). Однако юридическое определение «социальной группы» отсутствует, в таком качестве можно рассматривать и членов враждебного рода (тейпа, тахума) – при кровной мести, и конкурирующего класса и государственную бюрократию – при уличных протестах, и преступников – при требовании усиления уголовных наказаний, и акционеров предприятия – при рейдерстве, и фанатов конкурирующего

спортклуба – при групповых хулиганских действиях в отношении них. Членов конкурирующей территориальной шайки хулиганов тоже можно считать представителями ненавидимой и враждебной социальной группы [6].

Кроме того, любая совместная человеческая деятельность (в том числе и противоправная) никогда не характеризуется единством мотивации всех участников группы. Возможно, у лидеров-организаторов и доминируют мотивы ненависти или вражды к представителям конкурирующей группы. Но нет никаких оснований утверждать это в отношении всех соучастников. Одни хотят повысить свой статус внутри группы, обеспечить себе безопасность, другие – улучшить материальное положение за счет конкурентов или исполнения поручения, третьи движимы сугубо авантюрными мотивами и т.д.

Следователь, прокурор, судья должны как-то проникнуть в голову подозреваемого и доказать наличие экстремистского мотива в качестве доминирующего при нарушении закона. Это можно установить, повторюсь, посредством сложных экспертиз информационного контента, созданного и(или) распространенного подозреваемым, его высказываний и иных действий, либо через свидетельские показания, когда свидетель сообщает, что подозреваемый сказал ему, что собирается сделать то-то и то-то, потому что ненавидит такую-то группу, общину, этнос и т.п. Это трудно.

Гораздо проще в подобных случаях получить признание, когда сам обвиняемый скажет: «хотел публично оправдать ...организовать», «вызвать ненависть к...» и т.д. Отказ от признательных показаний в суде, если он будет иметь место в дальнейшем, судья всегда может расценить как «стремление уйти от ответственности». Потому и давно вошли в практику расследований экстремизма и терроризма всевозможные приемы склонения обвиняемых к признанию собственной вины с демонстрацией соответствующих видеозаписей в зале суда или более широкой аудитории.

Неопределенность соотношения целей и *мотивов*, с которыми может совершаться все что угодно, а также невозможность вычленения «мотивации» как базового признака участника объединения, либо участника деятельности, связанной с каким-либо экстремистским объединением (от простой группы лиц, действующих по предварительному сговору или даже просто совместно, до многоуровневой преступной организации, партии и т.п.). В частности, неправомерных, по оценке центра «Сова», приговоров в 2020 г. было 54 в отношении 99 человек (в 2019 г. – 31 и 97 соответственно) Чаще всего речь идет о судах над представителями религиозных организаций, запрещенных в РФ «Свидетелей Иеговы» и признанной террористической организацией «Хизб ут-Тахрир-аль Ислам» [3].

Казалось бы, очевидно, что участники данных объединений нарушают запрет на участие не в целях дезорганизации государственной безопасности или вовлечения кого-либо в совершение экстремистских преступлений (максимум тут – нарушение судебного запрета), а потому, что стремятся продолжать участие именно в деятельности конкретной религиозной организации, следовании своему учению. *Вменение им мотивов ненависти или вражды к каким-либо группам населения выглядит классическим применением уголовного закона по аналогии.* Впрочем, равно бесперспективным делом представляются и попытки перечисления побуждений

обвиняемых, которые в любом случае выглядят неполными и казуальными. Например, сегодня у нас актуальна (чаще упоминается в СМИ) мигрантофобия и религиозная рознь, завтра, к примеру, гомофобия и модернизм, послезавтра, – классовая вражда или еще что-нибудь.

Таким образом, выбор криминологически необоснованных приоритетов, политизированных оценок не только делает законодательный акт инструментом манипулирования общественным мнением, но и формирует информационные предпосылки для последующего принятия необоснованных и неэффективных решений в сфере обеспечения общественной безопасности, распределения ограниченных ресурсов общества, воспроизведения и умножения ранее совершенных ошибок.

Частные проблемы законодательного конструирования института (или уже целого подраздела?) экстремистских правонарушений в нашем законодательстве удобно рассмотреть на примере относительно нового состава правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (*далее* – КоАП РФ), об ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование фашистской символики.

При подготовке данной нормы федерального закона, как утверждают специалисты кафедры судебных экспертиз Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина, законодатель использовал для связки понятий «пропаганда» и «публичное демонстрирование» соединительный союз «и». Порядок употребления терминов таков, что «пропаганда» находится в сильной, приоритетной позиции по отношению к термину «публичное демонстрирование». Это дало возможность на практике по формальным признакам публичной демонстрации признавать любое обнародование символики «пропагандой», то есть своеобразной рекламой.

В целом преследование за какую-либо символику в принципе слабо увязывается с нормальным современным демократическим обществом. Ограничения на демонстрацию нацистской символики уходят корнями в запрет деятельности НСДАП в 1945 г., денацификацию Германии и итоги Нюрнбергского трибунала. В России был принят закон «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», в котором впервые был закреплен запрет использования «в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах» (ст. 6).

Новый импульс законотворчеству придали события на Украине, в контексте которых УК РФ и КоАП РФ были дополнены рядом новелл. Основным местом поиска экстремизма, конечно же, стала сеть Интернет, и административная практика продемонстрировала «взрывной рост» выявленных нарушений. За 9 лет (2008 – 2017 гг.) число дел о демонстрации нацистской символики в России выросло в 14 раз, решений о штрафах – в 37 раз, а арестовывать стали в 11 раз чаще. При этом если в 2008 году к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ («Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики») были привлечены 54 человека, в 2013 году – 256, в 2015 году – 1183, в 2018 году – 1639 [2].

Одновременно, с учетом неопределенности субъективной стороны действий подозреваемых, правоохранительные органы и суды начали практиковать фактически объективное вменение состава правонарушения, а в их деятельности все более преобладали черты очередной компанейщины.

Так, в сентябре 2015 года суд признал виновной антифашистку Юлию Усач за пост с карикатурой Кукрыниксов и фотографию с Парада Победы 1945 года. Студента из Ставрополя в марте 2018 года на три дня поместили в спецприемник из-за того, что он скопировал «ВКонтакте» запись о Музее Второй мировой войны в Польше. На фотографии была свастика. В том же году суд в Пермском крае оштрафовал местного жителя за то, что он выложил у себя «ВКонтакте» кадр из фильма «17 мгновений весны». Вскоре уже целый фестиваль исторической реконструкции оказался «под подозрением». Его участников оштрафовали за орнаменты на самодельных сувенирах, изображающих средневековые обереги. Орнаменты напоминали свастику [8]. Производители и продавцы детских игрушек и стендовых моделей тоже оказались в затруднительном положении после возбуждения дела в связи с изъятием в магазине Москвы бюстов германских военных времен Второй мировой войны.

Нужно понимать, что к тем или иным запретам должны привыкнуть не только граждане, но и правоприменители. Для них любой прецедент даже важнее: с каждым случаем, они уже не первопроходцы с неопределенной судебной перспективой, а вполне адекватные и результативные сотрудники с проверенным практикой юридическим инструментарием. В общественной жизни при этом могут достигаться совершенно иные цели, относительно декларируемых с парламентских трибун.

В поселке Управленческий (Самара) находятся обелиск и стела с надписью «Честь и слава воинам, сражавшимся в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годы». Стела была построена в 1975 году и изображала клинок, разрубающий на части свастику. В этом году памятник реконструировали и 8 ноября открыли заново. Но из него пропала свастика. Ее при реставрации стелы убрала администрация района Самары. Местные чиновники испугались, что «прокуратура может признать свастику в памятнике пропагандой фашизма» [1].

В ряде других случаев, получивших большой общественный резонанс, «пропагандой» признавались действия общественных активистов, размещавших исторические документы (фотографии периода войны, архивные документы), изображения действующих политиков периода сотрудничества тех с организациями, деятельность которых ныне запрещена в России (фото- и видеодокументы), графически измененные изображения известных памятников, такие как городские символы (редактированные изображения) и др.

Отдельным прикладным направлением применения 20.3 КоАП РФ стало привлечение осужденных в колонии за татуировки на теле в виде свастики. Причин такой практики две: прокуратура по надзору пополняет свою статистику по борьбе с экстремизмом, тогда как администрация исправительного учреждения имеет основания для присвоения осужденным статуса злостных нарушителей режима в целях оказания на них давления.

Потребовалось внесение специального разъяснения в ст. 20.3 КоАП Федеральным законом от 1 марта 2020 г. № 31-ФЗ: «Положения настоя-

щей статьи не распространяются на случаи использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии».

С одной стороны, создается впечатление, что решения парламентским большинством принимаются не по результатам какой-то информационно-аналитической работы, а после просмотра очередного истеричного шоу, которое сами же представляемые депутатами лица в сетку вещания и определили. С другой стороны, подобные по содержанию законы действуют только в странах, побежденных во Второй мировой войне.

Однако отечественный законодатель не стремится менять практику дополнения законодательных актов все новыми казусами и основные подходы к конструированию норм антиэкстремистского законодательства. Об этом свидетельствуют очередные парламентские инициативы. Так, 16 июня 2021 г. в третьем чтении 390 членов Государственной Думы РФ (87 % списочного состава) единогласно проголосовали за предложение депутата Ямпольской Е.А. по проекту Федерального закона № 1064063-7 «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона “Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов”» и статью 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» – в части установления запрета на публичное демонстрирование изображений лиц, признанных виновными в совершении преступлений в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала).

Заключение

Итак, правовые (законотворческие) проблемы неразрывно связаны, как с формальным определением приоритетов уголовно-правовой охраны общественной безопасности государством, так и особенностями применения соответствующих норм правоохранительными органами и судами, восприятием этой практики теми силами, которые способны влиять на деятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

В этой связи, представляются два основных пути развития рассмотренного института преступлений экстремистской направленности:

– полное *исключение данного института из Особенной части УК РФ*. При совершении подобных деяний наказывать за то, что фактически совершено или на совершение чего покушались (к совершению чего готовились). Так, к примеру, поступил германский законодатель, который закрепил ответственность за организацию взрыва, пожара, убийства, уничтожения имущества, незаконного вмешательства и т.п., а также за участие в террористической организации. Сбор доказательств обвинения, с учетом массы оценочных и идейно-политически окрашенных признаков, становится слишком сложным и не гарантирует равенство граждан перед законом и судом;

– *признать уголовно наказуемый экстремизм особой разновидностью организующей и организованной преступной деятельности, направ-*

ленной против общей безопасности (мир и согласие между социальными группами). С одной стороны, публичное подстрекательство, призывы, пропаганда насилия, распространение инструкций и наставлений по совершению преступлений. С другой, деятельность объединений лиц для совершения двух или более, соответствующих преступлений, указанных в Особенной части УК.

Список литературы

1. **Артемов А.** Косметический ремонт. Районные власти в Самаре убрали из памятника воинам Великой Отечественной разрубленную свастику, испугавшись закона о пропаганде фашизма [Электронный ресурс] // Другой город. 02.12.2019. URL: https://drugoigorod.ru/broken_swastika/ (дата обращения: 20.03.2022).
2. **В России** стали в 30 раз чаще штрафовать за нацистскую символику [Электронный ресурс] // ТАСС. 05.05. 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6401711> (дата обращения: 20.03.2022).
3. **Глинкин К.** Количество приговоров за экстремистские высказывания в 2020 году выросло. И может еще подрасти [Электронный ресурс] // Ведомости. 05.03.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/03/04/860297-kolichestvo-prigovorov> (дата обращения: 20.03.2022).
4. **Гордиенко И.** Теракт быстрой сборки [Электронный ресурс] // Новая газета. № 19 от 21.02.2018. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/20/75566-terakt-bystroy-sborki> (дата обращения: 20.03.2022).
5. **Показатели** преступности России [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.03.2022).
6. **Ростокинский А. В.** Современный экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы квалификации и противодействия: курс лекций. Изд. 2-е., перераб и доп. М.: Наук, 2007. 147 с.
7. **Сергеев Н.** Игорь Краснов отчитался за Юрия Чайку. В Генпрокуратуре прошла годовая коллегия [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 18.03.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291824> (дата обращения: 20.03.2022).
8. **Участников** фестиваля оштрафовали за сувениры [Электронный ресурс] // ОВД-инфо. Архив новостей. 31.10.2016. URL: <https://ovdinfo.org/express-news/2016/10/31/uchastnikov-festivalya-oshtrafovali-za-napominayushchie-svastiku-ornamenty> (дата обращения: 20.03.2022).
9. **Число** преступлений экстремистской направленности увеличилось за 10 лет почти в 100 раз: Интерфакс [Электронный ресурс] // Независимая газета. 13.11.2015. URL: http://www.ng.ru/politics/2015-11-13/3_mv.html (дата обращения: 20.03.2022).

References

1. **Available at:** https://drugoigorod.ru/broken_swastika/ (accessed 20 March 2022). (In Russ.)
2. **Available at:** <https://tass.ru/obschestvo/6401711> (accessed 20 March 2022). (In Russ.)
3. **Available at:** <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2021/03/04/860297-kolichestvo-prigovorov> (accessed 20 March 2022). (In Russ.)
4. **Available at:** <https://novayagazeta.ru/articles/2018/02/20/75566-terakt-bystroy-sborki> (accessed 20 March 2022). (In Russ.)
5. **Available at:** URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (accessed 20 March 2022). (In Russ.)
6. **Rostokinskiy A.V.** *Sovremennyy ekstremizm: kriminologicheskiye i ugovolno-pravovyye problemy kvalifikatsii i protivodeystviya: kurs lektsiy* [Modern extremism: criminological and criminal law problems of qualification and counteraction: a course of lectures], Moscow: Nauka, 2007, 147 p. (In Russ.)

7. **Available at:** <https://www.kommersant.ru/doc/4291824> (accessed 20 March 2022). (In Russ.)

8. **Available at:** <https://ovdinfo.org/express-news/2016/10/31/uchastnikov-festivalya-oshtrafovali-za-napominayushchie-svastiku-ornamenty> (accessed 20 March 2022). (In Russ.)

9. **Available at:** http://www.ng.ru/politics/2015-11-13/3_mvd.html (accessed 20 March 2022). (In Russ.)

Problems of Qualification of Extremist Crimes

**A. V. Rostokinskiy, Dr. Sci. (Law), Associate Professor,
Head of Department of Criminal Law Disciplines,
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia;
RostokinskiiAV@mgpu.ru**

**S. V. Danelyan, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines,
Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia;
DanelyanSV@mgpu.ru**

The analysis of the complex of criminal law problems of the formation of the institution of extremist crimes is given, questions are raised about the role and place of the totality of crimes of an extremist orientation in the structure of crime about the absence of a single object of criminal encroachment, the possibility of committing, any crime motivated by hatred or enmity, lack of a legal definition of “social group” and other aspects inextricably linked with the qualification of the crimes in question. It is noted that the legislative act becomes a tool for manipulating public opinion due to the choice of unreasonable priorities, politicized assessments in the formation of the institution of extremist crimes, which also forms informational prerequisites for the subsequent adoption of unreasonable and ineffective decisions in the field of ensuring the security of citizens, society and the state, it is proposed ways of development of the considered institution.

Keywords: extremist crimes; extremism; extremist activity; motive of hatred and enmity; propaganda; calls.

© А. В. Ростокинский, 2022

© С. В. Данелян, 2022

Статья поступила в редакцию 15.03.2022

При цитировании использовать:

Ростокинский А. В., Данелян С. В. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности // *Право: история и современность.* 2022. Т. 6, № 2. С. 230 – 240. doi: 10.17277/pravo.2022.02.pp.230-240